

ОТ ПРОГНОЗА – К ФОРСАЙТУ БУДУЩЕГО РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ¹

© 2017 г. И. А. Мироненко

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
“Санкт-Петербургский государственный университет”; 199034, г. Санкт-Петербург,
ул. Университетская набережная, д. 7–9, Россия;

Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности, факультет психологии СПбГУ.
E-mail: mironenko_i@mail.ru

Поступила 06.10.2016

Аннотация. Рассматриваются результаты опроса российских психологов о будущем психологии к 2030 г., изложенные в статье А. Л. Журавлева, Т. А. Нестика и А. В. Юревича (Журавлев, Нестик, Юревич, 2016). Обсуждаются ответы на вопросы о месте и роли российской психологии в мировой науке. Опровергается выявленный в ходе опроса и распространенный среди отечественных ученых стереотип восприятия мировой психологической науки, рисующий ее как устойчиво монополярную и западнцентрическую, где безраздельно царят эмпиризм и прагматизм. Утверждается, что он не соответствует тенденциям развития мировой науки в эпоху глобализации и является препятствием для полноценной интеграции в ее контекст российской психологии.

Ключевые слова: прогнозирование развития психологии, глобальная наука, место и роль российской психологии в мировой науке.

DOI: 10.7868/S0205959217030102

Авторы обсуждаемой статьи предлагали участникам проведенного в 2015 г. опроса поделиться своими ожиданиями в отношении будущего психологии к 2030 году, т.е. через 15 лет. 15 лет – это не так много, чтобы можно было окунуться в область безудержной фантазии, но и не так мало, чтобы не предвидеть неизбежности серьезных сдвигов, принимая во внимание скорость, с которой сегодня меняется мир.

О чем же позволяют судить полученные результаты? Конечно, не собственно о будущем. Прогнозы, как правило, достаточно далеки от действительности.

Тем не менее, высокий интерес к прогнозам не случаен, так как они очень хорошо высвечивают настоящее: обнаруживают актуальное состояние профессионального сообщества, социальные установки, устремления и опасения прогнозирующих. Таким образом, будучи подвергнуты *коллективной рефлексии* (Журавлев, Нестик, 2012), каковой, надо надеяться, станет

и настоящее обсуждение, результаты прогноза могут стать важным инструментом форсайта (Соколов, 2007; и др.) – коллективной работы, направленной на формирование *желаемого* будущего нашей науки.

Поэтому не только и не столько с точки зрения вероятности тех или иных вариантов будущего, сколько их достоинств и недостатков, а также *желательности* возможных вариантов и путей их реализации, хочется прокомментировать результаты опроса в части прогноза будущего российской психологии в мировом контексте. Этот вопрос представляется сегодня важным для российской психологической науки, так как в отношении возможности развития “национальной” науки в современную эпоху многие испытывают самые серьезные сомнения.

Что же представляет собой “мировая психология” (наука и практика) в ответах российских психологов? Результаты опроса позволяют утверждать, что в российском профессиональном сообществе существует достаточно устойчивый стереотип “мировой психологии”.

Во-первых, “мировая психология” функционирует преимущественно в развитых странах: вряд

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 17-06-50086 “Академическая интеграция в контексте становления глобальной психологии: вызовы и перспективы”.

ли опрашиваемые, говоря о высокой востребованности и престижности профессии психолога, имели ввиду иные страны. Большинство экспертов не подвергается сомнению в будущем и ведущая роль “западных образцов” в мировой психологии. Можно заключить, что в сознании российских психологов мировая наука будущего предстает с доминированием западного мейнстрима, какой она стала после Второй мировой войны и была на протяжении большей части второй половины XX века. В таком контексте проблема интеграции науки ставится как вопрос о вхождении так называемой “периферии” или регионов, т.е. таких стран, как Россия, Китай, Латинская Америка и т.д. в мейнстрим, а в качестве цели интеграции предстает западно-центрический мейнстрим, разбавленный не западными разработками.

Во-вторых, распространенным является мнение, что “мировая психология” (т.е. западно-центрический мейнстрим ее развития) мало обращена к решению философских, комплексных, теоретико-методологических задач (ориентация на эти задачи, по мнению 26% ответивших, как раз отличает российскую психологию); а также к исследованиям нравственности и духовности (19.2% отвечавших считают эту область прерогативой отечественных исследователей), т.е. в представлении российских психологов мировую науку в основном характеризуют эмпиризм, прагматизм и отсутствие интереса к духовности (см. также: Соснин и др., 2011).

Возьму на себя смелость утверждать, что данный стереотип не соответствует даже сегодняшней действительности и, тем более, не отражает актуальных тенденций развития мировой психологической науки. Он существенно устарел и является препятствием на пути полноценной интеграции российской психологии в мировую науку.

Обоснована ли уверенность российских психологов в непоколебимом доминировании западной, прежде всего, американской, психологии в мировом мейнстриме? Начиная с конца 80-х годов XX столетия, ситуация в мировом развитии быстро меняется. Еще в 1994 г. известный американский психолог К. Данziger в своей широко цитируемой статье писал, что, если мировая психология большей части второй половины XX века “была во всех отношениях американской наукой” (Danziger, 1994, с. 476), то “современная психология возвращается к своему изначальному состоянию: полицентрическая структура, где работа различных, но взаимодействующих между собой центров отражает многообразие локальных

традиций и условий развития психологической науки” (там же, с. 477).

В XXI столетии *многополюсность* мировой психологии становится все более выраженной. В 2000 г. *Scopus* включал 682 периодических издания по психологии. Из них 366 выпускались в США (54.0%), 276 – в Западной Европе (41.0%), общая доля Северной Америки и Западной Европы составляла 95.5%. 6 изданий выпускались в Восточной Европе (из них 2 – в России), 6 – в Латинской Америке и 7 – в Азиатском регионе.

В 2015 г. в списке уже 1061 журнал: из них 459 выпускаются в США (43%), 484 – в Западной Европе (46%), общая доля Северной Америки и Западной Европы несколько снизилась и составляет уже 90%. 36 журналов издаются в Восточной Европе (из них 3 – в России), 38 – в Латинской Америке и 13 – в Азии. Эти цифры наглядно демонстрируют как уменьшение единообразия в “западном мейнстриме”, диктуемого гегемонией американской психологии, так и существенный рост представленности “незападных” направлений.

Современное развитие культуры и цивилизации определяет переход от моноцентрической структуры психологической науки с доминированием западного мейнстрима к полицентрической (Danziger, 1994; Marsella, 2012). Становится очевидным, что в контексте общей глобализации культуры и цивилизации (Россия в глобализирующемся мире ..., 2007), формирование глобальной науки, востребованной в условиях глобального мира, невозможно без полноценной интеграции “локальных” научных традиций и относительно обособленных систем социально-гуманитарного знания (Bhambra, 2014; Robinson, 1998; Rosa, 2014; Sorokin, 2015, 2016; Vessury, 2015).

Радикальный характер изменений социума последних трех десятилетий, широко обсуждаемый в социо-гуманитарных науках, в первую очередь, в социальной психологии и социологии (Доверие и недоверие ..., 2013; Социально-психологическая динамика ..., 1998; Atkins, Lury, 2009; Beck, 2000; Beck, Sznajder, 2006; Lash, 2009; Urry, 2000), в психологическом дискурсе остается недооцененным. В то же время становление психологической науки, глобальной как по своему объекту и предмету, так и по своему субъекту, бросает новые вызовы и открывает новые перспективы для развития психологических школ и научных направлений.

Интеграция предъявляет особые требования к “локальным” традициям и школам, не входящим сегодня в сложившийся западно-центрический мейнстрим психологии, и требует от них особых усилий. Прежде всего, необходимым условием интеграции является работа, направленная на преодоление языковых барьеров (как в части языка в целом, так и в отношении используемой понятийной системы) и на вхождение в проблемный контекст мировой науки.

Формирование глобальной науки открывает и новые перспективы для “локальных” школ. Во-первых, научные школы, не принадлежащие к мейнстриму, не обременены “однополюсным” восприятием психологической науки (Danziger, 1994, 2013), обладают способностью видеть диалектические противоречия в ее развитии. Во-вторых, эти школы обладают потенциалом теорий и методов, отличных от известных в мейнстриме, т.е. инновационных относительно мейнстрима, которые могут быть высоко востребованы в новых условиях (Соснин, 2012; Mironenko, 2016; Mironenko, Sorokin, 2015).

Представляется, что для российской психологии чрезвычайно перспективным является участие в мировом теоретико-методологическом дискурсе, в предметном поле которого у нас имеется мощная традиция (Mironenko, Sorokin, 2015). К большому сожалению, российские коллеги не проявляют здесь достаточной активности, причиной чему отчасти является обозначенный выше стереотип восприятия зарубежной психологии как сферы, где безраздельно царят прагматизм и эмпиризм. Нередко приходится слышать от наших ученых, что мировая наука редко обращается к философским, методологическим и теоретическим проблемам психологии. Авторам таких суждений хочется напомнить, что зарубежное профессиональное сообщество очень большое и дифференцированное. Если вы сотрудничаете с зарубежными специалистами, например, по коучингу и среди них не встречаете пишущих по философским проблемам, то следует помнить, что это еще не является свидетельством отсутствия интереса к таким проблемам в западной психологии в целом.

Из 1061 скопусовских изданий лишь 189 относятся к прикладной психологии, а 220 – посвящены общим вопросам. В списках Scopus можно найти журналы, специально посвященные вопросам теории и методологии, такие как *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*; *Theory and Psychology*; *Philosophical Psychology*;

Methodology; *Journal for the Theory of Social Behaviour* и др. На вопросы духовности, морали, этики и религии ориентированы журналы: *The International Journal for the Psychology of Religion*; *Ethics and Behavior*; *Journal of Psychology and Theology*; *Research on Professional Responsibility and Ethics in Accounting* и др.

Мы, российские ученые, недостаточно знаем о мировой психологии. Наверное, это прощательно, в силу ситуации, в которой проходило профессиональное становление большей части современных психологов-исследователей, слабо владеющих иностранными языками. Непростительно то, что мы упорствуем в своих предвзятых суждениях, часто не проявляем элементарного любопытства к тому, что происходит в нашей профессиональной сфере за пределами России. Нередко у нас серьезные авторы, характеризующие состояние исследований в русле какой-либо проблемы за рубежом, ограничиваются ссылками на работы 1980-х и даже 1970-х годов, в то время как насущной необходимостью сегодня оказывается не застревать в прошлом, быть готовыми воспринять новую реальность и адекватно, т.е. по-новому, на нее реагировать.

Намечая контуры желаемого будущего нашей науки, можно надеяться на то, что: а) российская практическая психология, которая началась у нас в постсоветский период во многом с освоения зарубежных теорий, глубоко проникая в своеобразие российской реальности, будет инициировать новые теории, которые обогатят мировую науку; б) российские теоретики на основе высоких диалектических традиций отечественной научной школы смогут внести существенный вклад в становление полицентрической глобальной психологической науки, продолжат так необходимую сегодня и уже начатую нашими учителями разработку “теории теорий” психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
2. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Юревич А.В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 55–74.
3. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.

4. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты /Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
5. Соколов А. В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. № 1. С. 8–15.
6. Соснин В. А. Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. М.: ФОРУМ, 2012.
7. Соснин В. А., Журавлев А. Л., Красников М. А. Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2011.
8. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998.
9. Adkins L., Lur L. What is the empirical? // European Journal of Social Theory. 2009. 12. P. 5–20.
10. Beck U. The cosmopolitan perspective: Sociology of the second age of modernity // British Journal of Sociology. 2000. 51(1). P. 79–105.
11. Beck U., Sznaider N. ‘Unpacking cosmopolitanism’ for the social sciences: a research agenda // British Journal of Sociology. 2006. 57 (1). P. 1–23.
12. Bhambra G. K. Introduction: Knowledge production in global context: Power and coloniality // Current Sociology. 2014. 62(4). P. 451–456.
13. Danziger K. Does the history of psychology have a future? // Theory & Psychology. 1994. N. 4. P. 467–484.
14. Danziger K. Psychology and its history // Theory & Psychology. 2013. 23 (6). P. 829–839.
15. Lash S. Afterword: In praise of the a posteriori: Sociology and the empirical // European Journal of Social Theory. 2009. № 12. P. 175–187.
16. Marsella A. Psychology and globalization: Understanding a complex relationship // Journal of Social Issues. 2012. 68(3). P. 454–472.
17. Mironenko I. A. Activity Theory: Quest for the Unattainable and Hope for the Future (Reply to Commentaries) // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2016. № 50. P. 382–391.
18. Mironenko I. A., Sorokin P. S. Culture in Psychology: perennial problems and contemporary methodological crisis // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. № 4. P. 35–45.
19. Robinson W. I. Beyond nation-state paradigms: Globalization, sociology, and the challenge of transnational studies // Sociological Forum 1998. № 13(4). P. 561–594.
20. Rosa M. C. Theories of the South: Limits and perspectives of an emergent movement in social sciences // Current Sociology. 2014. P. 62(6). P. 851–867.
21. Sorokin P. S. The Russian Sociological Tradition from the XIXth Century Until the Present: Key Features and Possible Value for Current Discussions // The American Sociologist. 2015. Vol. 46. № 3. P. 341–355.
22. Sorokin P. S. ‘Global sociology’ in different disciplinary practices: Current conditions, problems and perspectives // Current Sociology. 2016. Vol. 64. № 1. P. 41–59.
23. Urry J. Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century London: Routledge, 2000.
24. Vessury H. Global social science discourse: A Southern perspective on the world // Current Sociology. 2015. 63(2). P. 297–313.

REFERENCES

1. Dovereie i nedovereie v uslovijah razvitija grazhdanskogo obshhestva. Moscow: Izd-vo NIU VShJe, 2013. (In Russian).
2. Zhuravlev A. L., Nestik T. A., Jurevich A. V. Prognoz razvitija psihologicheskoi nauki i praktiki k 2030 g. // Psihologicheskij zhurnal. 2016. V. 37. № 5. P. 55–74. (In Russian).
3. Zhuravlev A. L., Nestik T. A. Gruppovaja refleksivnost': osnovnye podhody i perspektivy issledovanij // Psihologicheskij zhurnal. 2012. V. 33. № 4. P. 27–37. (In Russian).
4. Rossiya v globalizirujushhemsja mire: mirovozzrencheskie i sociokul'turnye aspekty /Ed. V. S. Stepin. Moscow: Nauka, 2007. (In Russian).
5. Sokolov A. V. Forsajt: vzgljad v budushhee // Forsajt. 2007. № 1. P. 8–15. (In Russian).
6. Sosnin V. A. Psihologija suicidal'nogo terrorizma: istoricheskie analogii i geopoliticheskie tendencii v XXI veke. Moscow: FORUM, 2012. (In Russian).
7. Sosnin V. A., Zhuravlev A. L., Krasnikov M. A. Social'naja psihologija: Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: FORUM; INFRA-M, 2011. (In Russian).
8. Social'no-psihologicheskaja dinamika v uslovijah jekonomichekikh izmenenij. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 1998. (In Russian).

FROM THE FORECAST TO A FORSIGHT OF THE FUTURE OF RUSSIAN PSYCHOLOGYⁱ

I. A. Mironenko

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint-Petersburg State University”;
199034, St. Petersburg, Univtrsitetskaya nab. st., 7–9, Russia;
Sc.D. (psychology), Professor of the Department of Psychology of St. Petersburg State University.
E-mail: mironenko_i@mail.ru*

Received 06.10.2016

Abstract. The article dwells upon the results of a survey on the future development of psychology by 2030. The author focuses on the answers to questions on the place and role of Russian psychology in the international science. The author argues that a widespread stereotype depicting international psychology development as entirely unipolar West-centered, with the unchallenged reign of empiricism and pragmatism, – is substantially underestimating the trends in the development of international science in the age of globalization. This stereotype impedes the integration of the Russian psychology into the context of international science.

Keywords: forecast of psychology development; global science; the role and place of Russian psychology in the international science.

ⁱ The research was supported by RFH № 17-06-50086